

С. Ф. Сутырин, Л. В. Попова, И. А. Коргун

РОССИЙСКО-КОРЕЙСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ¹

Традиционно принято считать, что либерализация торговли, являющаяся ключевым компонентом обязательств, принимаемых на себя странами при присоединении к ВТО, должна генерировать дополнительные общие торговые потоки между страной-новичком и остальной частью международного сообщества. Однако торговля с отдельными партнерами может развиваться по отличному сценарию — либо расти более динамично, чем торговые связи с остальным миром, либо претерпеть сокращение. Оставаясь в рамках данного дискурса, авторы статьи обращаются к частному случаю и рассматривают общие тенденции и специфические особенности российско-корейского экономического сотрудничества. В широком социально-экономическом контексте, принимая различия в моделях рыночной экономики стран, конкретные траектории экономической деятельности, в том числе эффект для двусторонних связей от присоединения России к ВТО, во многом определяются поведением индивидуальных экономических «акторов». Для исследования проблемы восприятия российской и корейской сторонами характера возможных изменений, вытекающих из присоединения России к ВТО, и их последствий для развития экономического сотрудничества между двумя странами, авторы статьи использовали метод интервью. Круг респондентов включал представителей российских и корейских академических и деловых кругов, работников органов государственного управления, журналистов. Библиогр. 39 назв. Ил. 8. Табл. 4.

Ключевые слова: международная торговая система, присоединение России к ВТО, российско-корейское экономическое сотрудничество.

S. F. Sutyurin, L. V. Popova, I. A. Korgun

RUSSIAN-KOREAN ECONOMIC COOPERATION: CURRENT SITUATION AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

Trade liberalization, a key component of commitments made by countries entering the WTO, is traditionally expected to generate extra overall trade flows between the newcomer and the rest of the international community. Yet relations with *individual* trading partners might differ, ranging from above-average growth to contraction. To explore these dynamics and to make sense of a concrete and important case, this paper examines general trends and specific peculiarities of Russian-Korean economic collaboration. In a broad socioeconomic context and regarding various types of market economy models,

Сергей Феликсович СУТЫРИН — доктор экономических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; sutyurin@hotmail.com

Людмила Валерьевна ПОПОВА — кандидат экономических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; mpopovaspb@yandex.ru

Ирина Александровна КОРГУН — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Университет иностранных языков Ханкук (Сеул, Р.Корея); 130-791. irinakorgun@yandex.ru

Sergei F. SUTYRIN — Doctor of Economics, Professor, St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; sutyurin@hotmail.com

Liudmila V. POPOVA — Candidate of Economics, Associate Professor, St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; mpopovaspb@yandex.ru

Irina A. KORGUN — Candidate of Economics, HK Research Professor, Institute of Russian Studies, Hankuk University of Foreign Studies, Seoul, Korea; irinakorgun@yandex.ru

¹ Настоящая статья была подготовлена в рамках работы по гранту Академии корейских исследований AKS-2012-R-44 (This research was supported by Academy of Korean Studies Grant No. AKS-2012-R-44).

specific trajectories of economic performance—including how Russia's accession to the WTO might affect Russian-Korean economic cooperation — largely depend upon decisions made by the individual commercial actors. To investigate this issue, the authors interviewed Russian and Korean representatives of academic and business communities, civil servants, and journalists who analyze cooperation between the two countries. Refs 39. Figs 8. Tables 4.

Keywords: International trading system, Russia's accession to WTO, Russian-Korean economic cooperation.

1. Введение

10 ноября 2011 г. рабочая группа по присоединению России к Всемирной торговой организации (ВТО) единогласно одобрила пакет документов, содержащих взятые на себя нашей страной обязательства. На основании этого 16 декабря 2011 г. 8-я Министерская конференция Всемирной торговой организации (являющейся ее высшим органом) также единогласно вынесла решение о принятии России в свои ряды. Тем самым был положен конец длительному процессу присоединения, временами казавшемуся безнадежным или почти бесконечным. В июле 2012 г. Федеральное Собрание Российской Федерации одобрило, а Президент страны В.В. Путин подписал Закон «О ратификации Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 г.». После завершения всех формальностей и направления соответствующего уведомления в секретариат ВТО 22 августа 2012 г. Россия официально стала 156-м членом данной международной экономической организации.

Многие представители академического и делового сообщества восприняли присоединение РФ к ВТО как важное событие, способное оказать серьезное влияние на различные аспекты экономического сотрудничества России с ее иностранными партнерами. Традиционно считается, что либерализация торговли (главное направление трансформации торговой политики в соответствии с обязательствами, которые берут на себя страны, присоединяющиеся к ВТО) может обеспечить дополнительное увеличение общих торговых потоков между «новичком» и международным сообществом в целом. В то же самое время внешнеторговые отношения с отдельными странами могут не следовать единому стандарту и демонстрировать различные тренды, включающие повышение темпов роста торговли с одними государствами и их сокращение с другими как следствие переориентации торговых потоков.

Всесторонний анализ возможных последствий присоединения России к ВТО для торговых связей с ведущими экономическими партнерами выходит далеко за рамки одной статьи. Более того, авторы на данном этапе склонны воздержаться от каких бы то ни было комплексных оценок. Это объясняется, с одной стороны, относительно ограниченным периодом времени после присоединения, с другой — наличием большого количества многообразных (зачастую никак не связанных с ВТО как таковой) факторов, непосредственно влияющих на те или иные параметры внешне-торгового взаимодействия.

В рамках настоящей статьи речь идет об одном конкретном случае, а именно — экономическом сотрудничестве между Россией и Южной Кореей. Российско-корейские отношения заслуживают пристального изучения в силу их потенциальной приоритетности для обеих стран и перспектив дальнейшего поступательного развития. При этом необходимо констатировать, что на сегодняшний день уровень двустороннего взаимодействия является недостаточно высоким и не соответствует

имеющимся возможностям. Сможет ли функционирование России в качестве члена ВТО послужить катализатором для расширения коммерческих связей между двумя странами? В каком направлении могут трансформироваться наши взаимоотношения? На эти и аналогичные вопросы авторы пытаются дать ответ.

Статья имеет следующую структуру. После Введения, во второй части, определены основные теоретические предпосылки и методология исследования, в третьей части рассмотрены основные тенденции в развитии российско-южнокорейского экономического сотрудничества, выявлена его специфика и обозначены основные перспективы. В четвертой части статьи представлены результаты проведенных авторами интервью и анкетирования российских и корейских респондентов по вопросу места партнеров во внешнеэкономической стратегии соответствующих стран, а также оценки ими возможного воздействия присоединения России к ВТО на развитие двусторонних экономических связей.

2. Теоретическая база и методология исследования

В настоящем исследовании основное внимание уделяется восприятию сотрудничества двух стран его непосредственными участниками. Подобный подход во многом отличается от целого ряда других методов анализа, рассматривающих развитие бизнеса преимущественно как простое отражение институциональной среды и параметров затраты/прибыль. Между тем если конкретные траектории экономической деятельности зависят в своем большинстве от решений, принимаемых индивидуальными хозяйственными «акторами», то возникает вопрос, чем последние при этом руководствуются?

В экономической литературе традиционно обращается внимание на то, что собственные интерпретации и ожидания представителей бизнес-сообщества (во многом основывающиеся на прошлом опыте), связанные с тем, как будут применяться формальные правила и какого рода результаты следует при этом ожидать, имеют большое значение. Данное обстоятельство обусловлено, в частности, заведомой ограниченностью человеческого познания как такового и неизбежными издержками получения доступа к соответствующей информации [Simon, 1997; Tversky, Kahnemann, 1974; 1981; Williamson, 1975; 1985]. Применительно к рассматриваемой в статье проблеме речь идет об ожиданиях относительно того, как будут происходить институциональные и иные изменения (вытекающие из присоединения России к ВТО), какие риски и дивиденды хозяйствующие субъекты могут ожидать в связи с этим и как они планируют реагировать. Все это в значительной мере зависит от текущих представлений, формирующихся не в последнюю очередь под воздействием сменяющих друг друга волн оптимизма и пессимизма. Иными словами, то, как люди воспринимают ход институциональных инноваций и свое будущее в этом контексте, имеет принципиальное значение.

Отмеченное выше имеет непосредственное отношение к тому, как присоединение России к ВТО может повлиять на российско-корейское экономическое сотрудничество. Очевидно, что мы не можем рассматривать действия российских и корейских хозяйствующих субъектов и тех, кто может предоставлять информацию или консультировать их, в качестве простой экстраполяции институционального контекста. Соответствующее восприятие может изначально эндогенно задаваться пред-

шествующим опытом, а также социальным воспитанием и, как следствие, носить ограниченный характер. В целом можно утверждать, что индивиды склонны в непропорционально большой степени основывать свое восприятие на прошлом опыте [Beltrán, Hass, 2010].

Для того чтобы получить необходимую информацию о восприятии российской и корейской сторонами характера возможных изменений, вытекающих из присоединения России к ВТО, и их последствий для развития экономического сотрудничества между двумя странами, авторы статьи провели серию опросов и интервью. Среди респондентов были представители российских и корейских академических и деловых кругов, работники органов государственного управления, журналисты. Метод интервью широко применяется в экономических исследованиях и нашел свое отражение в многочисленных публикациях (см., напр.: [Dolgopiatova, 1995; 1996; Boeva, Dolgopiatova, Shironin, 1991; Zimmermann, 2005; 2009]).

При составлении вопросов для интервью авторы статьи исходили из нескольких теоретических положений. Во-первых, в соответствии с общепринятым взглядом, который встречается в основных трудах по мировой экономике, мы следуем тезису о том, что совокупность различных выгод от либерализации торговли превышает потенциальные издержки такой либерализации. Другими словами, ожидается, что она ведет к суммарному росту благосостояния, а расширение внешнеторговых связей следует рассматривать скорее как взаимовыгодный процесс «win-win game», а не игру с нулевой суммой «zero-sum game» [WTO..., 2008, p.27–80]. Так, например, по имеющимся оценкам, только применительно к странам АТЭС реализация комплекса мер по упрощению процедур торговли, предусмотренных подписанным в ходе 9-й Конференции министров ВТО в декабре 2013 г. Соглашением, приведет к увеличению ВВП на 0,26% в реальном исчислении [WTO. Press Releases..., 2013].

Во-вторых, речь идет о дискуссии по вопросу взаимосвязи международной торговли (особенно торговли товарами) и международных инвестиций (в первую очередь прямых иностранных инвестиций, ПИИ), которая ведется в кругах специалистов по международной экономике и международному бизнесу [Antras, Caballero, 2007; Vernon, 1966]. Большинство ученых сходятся во мнении относительно амбивалентного характера связей между ними. При определенных условиях существующий (и даже повышающийся) уровень тарифов и нетарифных барьеров может создавать дополнительные стимулы для инвестиций. Именно с этой точки зрения экспорт и ПИИ часто рассматриваются как альтернативные стратегии выхода на зарубежные рынки. В то же самое время либерализация торговли во многих случаях предоставляет дополнительные возможности для осуществления иностранных инвестиций, которые в свою очередь могут генерировать новые торговые потоки. В этом отношении внешняя торговля и ПИИ дополняют друг друга. Вероятность «сценария комплементарности» повышается по мере перехода от краткосрочной к долгосрочной перспективе. В качестве примера, подтверждающего первый тезис, можно привести опыт развития китайско-южнокорейских связей — либерализация Китая рынка в рамках договоренностей с ВТО обусловила бурный рост двусторонней торговли, при этом приток корейских инвестиций в экономику КНР стал сокращаться. Вместе с тем в целом присоединение к ВТО способствовало как быстрому росту внешней торговли Китая, так и увеличению притока иностранных инвестиций, что служит доказательством справедливости второго тезиса.

В-третьих, в отличие от ГАТТ договорная база ВТО охватывает весьма широкий круг вопросов. Так, помимо торговли товарами ее текущий мандат включает торговлю услугами, некоторые аспекты прав интеллектуальной собственности, а также инвестиционного сотрудничества. В этой ситуации вновь присоединившиеся страны вправе ожидать дополнительного притока ПИИ [Hoekman, Kosteckı, 2001]. В случае России имеют значение три фактора: 1) формирование более стабильной, прозрачной и предсказуемой бизнес-среды, определяемой обязательствами страны при присоединении; 2) либерализация торговли услугами в соответствии с правилами ГАТС²; 3) повышение объема и качества защиты прав интеллектуальной собственности согласно нормам и процедурам ТРИПС³.

В-четвертых, с самых первых лет существования организации представители ВТО и многие независимые эксперты выражали озабоченность по поводу неоднозначного характера взаимосвязи между многосторонним и региональным уровнями либерализации торговли [WTO..., 2011, p. 164–198; Baldwin, 2010]. С одной стороны, оба уровня дополняют друг друга. Об этом можно говорить хотя бы потому, что оба они в конечном счете ориентированы на достижение одной и той же цели — обеспечение стабильного, предсказуемого и максимально свободного режима торговли. С другой стороны, экспертное сообщество обоснованно обеспокоено тем, что массовое распространение региональных торговых соглашений (РТС) создает серьезные трудности на пути многосторонней либерализации. Речь идет о том, что взаимная торговля между членами того или иного РТС может расширяться за счет сокращения внешнеторгового взаимодействия с третьими странами или, по крайней мере, в ущерб последнему. Этот аспект весьма актуален и для российско-корейской торговли, так как в последнее десятилетие Российская Федерация уделяла повышенное внимание вопросам «реинтеграции» ряда бывших советских республик. Формирование Таможенного союза между Россией, Беларусью и Казахстаном является прямым результатом данных усилий. Республика Корея, в свою очередь, также принимает активное участие в ряде региональных инициатив.

Наконец, в-пятых, сторонники парадигмы международной политической экономики постоянно делают акцент на том, что экономическое сотрудничество между членами мирового сообщества представляет всего лишь одну, пусть и довольно значимую, форму международного сотрудничества в широком смысле этого слова. Общий характер и содержание межгосударственных политических, культурных и научных отношений является существенно большим, чем просто нейтральным фоном для коммерческого взаимодействия. Неэкономические факторы активно воздействуют на текущую ситуацию и будущие перспективы [Walter, Sen, 2009].

Подводя итог, имеет смысл подчеркнуть, что уровень неопределенности относительно возможного воздействия присоединения России к ВТО на масштабы и спектр экономического сотрудничества с Кореей остается высоким. Это вызвано

² Особую значимость этому обстоятельству придает тот факт, что основная доля услуг поставляется в каналы международной торговли через «коммерческое присутствие», т. е. посредством создания различного типа подразделений, открываемых материнскими компаниями за границами страны своего непосредственного базирования.

³ Многие потенциальные и реально функционирующие иностранные инвесторы (особенно в секторе высоких технологий) в предшествующие годы указывали на недостаточный уровень защиты прав интеллектуальной собственности в качестве одного из главных барьеров для реализации крупномасштабных инвестиционных проектов в России.

тем, что чрезвычайно сложно (если вообще возможно) разграничить эффект от вступления и влияние совокупности прочих факторов, которые оказывают воздействие на торговлю и инвестиционные потоки между двумя странами. Конечный результат будет также зависеть от колебаний валютного курса, что может существенно сократить или повысить эффект от либерализации торговой политики. Даже если предположить возможность определения эффекта от присоединения как такового, дать точный прогноз относительно поведения экономических акторов обеих стран в новых экономических условиях чрезвычайно сложно. Между тем последнее обстоятельство может оказаться решающим в плане направления развития внешнеэкономических связей.

3. Экономическое взаимодействие между Россией и Р.Корея: общая характеристика

В настоящем разделе статьи представлен краткий анализ экономического сотрудничества между Россией и Р.Корея после установления дипломатических отношений в 1990 г. Материалы анализа послужили базой для составления вопросов интервью с российскими и корейскими респондентами, результаты которого рассматриваются в следующей части исследования. Главная цель изложения состоит в том, чтобы выявить характерные тенденции в развитии двусторонних отношений на протяжении двух десятилетий и выделить наиболее проблемные и дискуссионные аспекты, которые, по мнению авторов, могли бы быть устранены (или их влияние могло бы быть минимизировано) в новых условиях, когда и Россия, и Р.Корея являются равноправными членами ВТО.

Подписание договора об установлении дипломатических отношений создало хорошие условия для начала сотрудничества. Руководство обеих стран в тот момент проявило глубокий интерес к двустороннему взаимодействию, которое, как ожидалось, будет взаимовыгодным [Meуer, 1999]. С южнокорейской стороны политический интерес к России как поставщику необходимых ресурсов тесно переплетался с интересами частного бизнеса, поскольку российский рынок представлял возможности для расширения деятельности южнокорейских компаний, которые на тот момент только начинали свою международную экспансию. Россия, в свою очередь, питала надежды диверсифицировать экспортные рынки своих товаров за счет выхода на корейский рынок и привлечь инвестиции в национальную экономику [Ahn, 2012, p. 30], которая на тот момент переживала сложный процесс реформ.

На начальном этапе стремление к налаживанию сотрудничества, проявленное высшими политическими кругами обеих стран, позволило сторонам сделать первые шаги в установлении торговых связей и привлечении инвестиций. Соответствующие данные⁴ представлены на рис. 1. В то же время этого интереса было недостаточ-

⁴ До недавнего времени сохранялось довольно существенное расхождение в данных российской и корейской статистики. Более низкие суммы в принципе были характерны для российской статистической информации периода 1990-х — начала 2000-х годов, которые объяснялись «неизбежными и структурными факторами». В исследовании специалиста Банка Финляндии Хели Симола, посвященном проблеме точности российской статистики, данные различия объясняются ошибками учета и классификации, тем самым он опровергает часто используемый аргумент о «неизбежных и структурных факторах» [Simola, 2012].

но, чтобы обеспечить стабильную основу сотрудничеству, которое на протяжении всего рассматриваемого периода развивалось асимметрично и неравномерно.

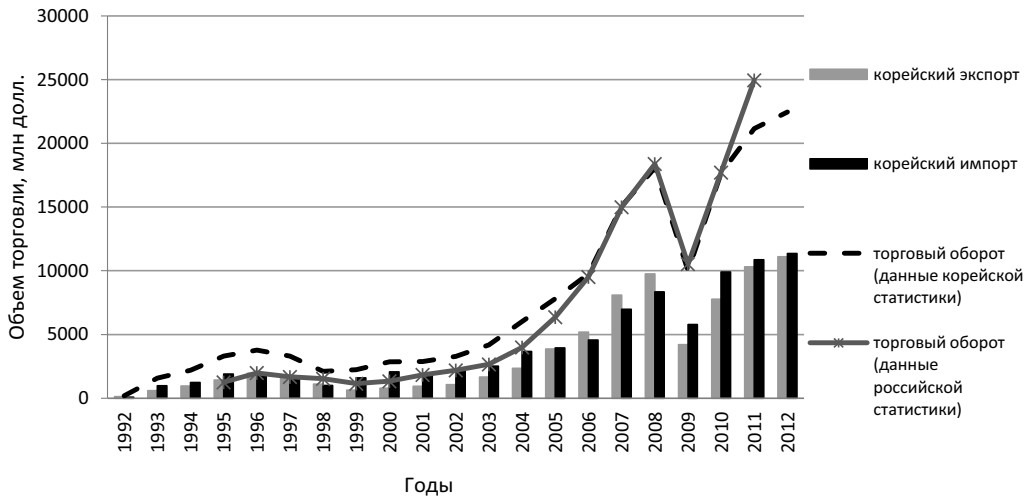

Рис. 1. Торговля Кореи с Россией в 1992–2012 гг.
Источники: [http://www.kita.net].

В немалой степени неравномерность была вызвана международными факторами. Через несколько лет после подписания договора наращивание взаимной торговли было прервано финансовым кризисом 1997–1998 гг., поразившим обе страны с интервалом в один год. Новый период роста взаимного торгового оборота в 2003–2008 гг. был прерван Великой рецессией. В промежутке между двумя кризисами странам все же удалось добиться значительного увеличения двустороннего товарооборота, который в 2003–2008 гг. вырос более чем в четыре раза, с 4,18 до 18,09 млрд долл., при этом российский экспорт — в 3,3 раза, составив 8,3 млрд долл. [http://www.kita.net]. Динамичный рост был обеспечен главным образом расширением внутреннего потребления в России, которое, в свою очередь, являлось следствием роста располагаемых доходов населения⁵ и распространения практики потребительского кредитования⁶. На фоне потребительского бума середины 2000-х годов. Россия увеличила объемы закупок товаров из Кореи, что привело к асимметрии торговых потоков: в указанные годы объемы импорта из Кореи превышали объемы российского экспорта в эту страну. По данным КИТА, накануне кризиса 2008 г. у России в торговле с Р.Корея накопился дефицит, размеры которого превысили 1 млрд долл., что было эквивалентно почти 10% двустороннего торгового оборота [http://www.kita.net].

Сокращение поставок в 2009 г. так же, как и в предыдущем случае, сменилось ростом объемов двусторонней торговли, в результате чего они довольно быстро превзошли докризисные показатели. К 2012 г. совокупные товарные потоки превы-

⁵ Средний уровень номинальной заработной платы вырос с 3000 рублей в 2002 г., что на тот момент составляло примерно 100 долл. США, до 17 290 рублей в 2008 г., т.е. 600 долл. [http://www.fedstat.ru].

⁶ Например, только в 2007 г. объемы потребительского кредитования составили 9% ВВП России [Evplanov, 2006].

силы 20 млрд долл. и продолжили увеличиваться в 2013 г., достигнув, по данным корейской статистики, 22,6 млрд долл. [Ibid.].

Для товарной структуры российско-корейской торговли так же характерна асимметричность потоков. В целом можно отметить, что их структура повторяет общенациональную структуру экспорта обеих стран. Так, в корейском экспорте в Россию преобладают технологичные товары с высокой долей добавленной стоимости, тогда как российский экспорт преимущественно состоит из природных ресурсов. Например, в 2008 г. 78,7% корейских поставок в Россию приходилось на машины и транспортное оборудование, в частности, доля телекоммуникаций составила 11%, транспортных средств — 54%. Аналогично в российском экспорте доминировали: энергетические ресурсы (нефтепродукты) — 36% в общей структуре, уголь — 12%, железо и сталь — 18%, а также цветные металлы — 11% [Ibid.].

Стоит отметить, что для экспортных потоков обеих стран весьма характерна слабая диверсификация [Ibid.]. Одной из причин высокой концентрации на узкой группе товаров является то, что в торговых отношениях главная роль принадлежит крупному бизнесу, который оперирует в доминирующих экспортных секторах: ресурсном — с российской стороны и машиностроительном и электронике — с корейской. В частности, в России на крупные корпорации приходится свыше 70% всех зарубежных поставок [<http://www.fedstat.ru>].

Инвестиционное сотрудничество стран представлено преимущественно вложениями корейских *чэболей* (крупных бизнес-групп) в российскую экономику (рис. 2). Крупный российский бизнес, в свою очередь, до сих пор не выработал стратегию по завоеванию корейского рынка, ориентируясь в своей деятельности на традиционных партнеров — страны европейского региона и СНГ [Fedorovskiy, 1999]. Вследствие этого на протяжении всего периода российские инвестиции обеспечивались в основном предприятиями малого и среднего бизнеса в сфере торговли и общественного питания, что обусловило их незначительные объемы [Lee J., Lee S., Kuznetsov, Min, 2012, p. 169]. По данным Министерства торговли, промышленности и энергетики Кореи, российские инвестиции в корейскую экономику только в 2005 г. преодолели отметку в 2 млн долл. в год; максимальный объем был осуществлен в 2012 г. и составил 95 млн долл. [<http://www.motie.go.kr>].

Корейский бизнес с самого начала осваивал российский рынок в рамках стратегий интернационализации, в которых России не всегда отводилось самостоятельное место. Так, в период первой волны внешней экспансии корейских корпораций середины 1990-х годов Россия рассматривалась только как часть «постсоветского пространства». В этом регионе приоритет отдавался тем странам Восточной Европы, которые начали рыночные реформы на десятилетие раньше, были более предсказуемы в макроэкономическом плане и проводили последовательную политику по привлечению иностранных инвестиций. К числу таких стран относились Венгрия и Польша⁷. Благоприятный инвестиционный климат, сформированный в этих стра-

⁷ Например, во второй половине 1990-х годов ежегодный объем корейских инвестиций в Польшу составил 96 млн долл. Сумма инвестиций в Венгрии варьировалась год от года, периодически достигая отметки 30 млн долл в год [<http://www.koreaexim.go.kr>]. В 1995 г. в газете *New York Times* вышла статья об экспансии корейских компаний, в которой отмечалось: «Их основной интерес состоит в том, чтобы увеличить свою рыночную долю на новых и быстро растущих рынках Восточной Европы» [Ipsen, 1995].

нах, позволил корейским чэболям открыть на территории этих стран несколько заводов по производству машиностроительной продукции и электроники.

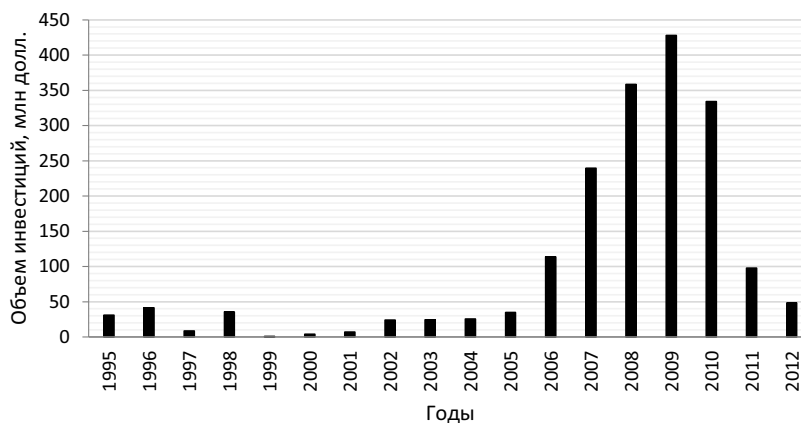

Рис. 2. Потоки корейских зарубежных инвестиций в Россию в 1995–2012 гг., млн долл.
Источники: [<http://www.koreaexim.go.kr>].

Отношение корейского бизнеса непосредственно к российскому рынку, который характеризовался ими как неблагоприятный [Fedorovskiy, 1999, p. 97], стало меняться в 2000-е годы на фоне экономического подъема в России⁸ [Lee J. Y., Lee S., Hwan, Lee J. M., 2008]. Результатом данных перемен стал рост корейских инвестиционных потоков: до начала 2000-х годов находившийся на уровне 30–40 млн долл. и концентрировавшийся в сфере добычи ресурсов⁹, к 2009 г. он достиг отметки 430 млн долл. и заметно диверсифицировался за счет обрабатывающих производств [<http://www.koreaexim.go.kr>]. В 2006–2010 гг. Россия вошла в двадцатку стран, куда направлялись самые большие по объему вложения корейских компаний, а с 2009 г. благодаря проекту по строительству автомобильного завода компании *Хендэ* в Ленинградской области попала в число десяти стран — основных реципиентов корейских прямых инвестиций [Ibid.]. Помимо автомобильной промышленности, к отраслям — основным реципиентам корейских вложений в годы экономического роста относились электроника, машиностроение и пищевая промышленность. В совокупности на эти четыре производства в докризисные годы приходилось примерно 80% корейских вложений [Ibid.].

Рост числа инвестиционных проектов корейского бизнеса в России и их отраслевая диверсификация в целом отражали растущий интерес к российскому рынку,

⁸ В 2005 г. в журнале *CEO Information* N. 504 [Oh, Park, 2005], выпускаемом Экономическим институтом «Самсунг», было отмечено изменение экономической ситуации в России и озвучивалась необходимость обращать больше внимания на возможности ее рынка. Уже в те годы корейские специалисты учитывали будущие выгоды от вступления России в ВТО, акцентируя на них внимание в данном номере журнала. Через два года после выхода номера, в 2007 г., Корейское агентство по поддержке инвестиций «КОТРА» совместно с Экономическим институтом «Самсунг» выпустило книгу «Russia: Catching the Golden Market» (Hwanggeum Sijang Reosiareul Jjabara) [2007], которая явилась результатом открытого проявления интереса к России.

⁹ Так, в 1996 г. 60,7% всех инвестиций корейских корпораций было направлено в добывающие отрасли, главным образом в добычу угля [<http://www.koreaexim.go.kr>].

который стал рассматриваться как емкий и перспективный. Между тем это не означает готовности корейского бизнеса устанавливать более обширные производственные связи внутри российской промышленности. Как правило, все проекты имели целью открытие заводов по производству конечной продукции на территории России, тогда как основная масса промежуточной продукции доставляется из Кореи (исключение — завод полного цикла *Hyundai Motor Manufacturing Rus* под Санкт-Петербургом).

Следует отметить, что на сегодняшний день положительная динамика российско-корейского сотрудничества последних лет не привела к заметному повышению места России в общем рейтинге внешнеэкономических партнеров Кореи. Так, на долю РФ приходится менее 1% зарубежных вложений Кореи. Последняя, в свою очередь, с суммой 1,95 млрд долл. [<http://www.fedstat.ru>] также не входит в число основных реципиентов российских инвестиций. Аналогичная ситуация характерна и для сферы торговли: позитивная динамика 2010–2013 гг. не способствовала выводу взаимных товарных потоков на уровень, соответствующий масштабам экономик обеих стран и их географической близости. Как следствие, можно сделать вывод о том, что ряд других, прежде всего неэкономических, факторов оказывал влияние на взаимные торговые и инвестиционные потоки.

Динамика двусторонних связей в значительной мере связана с интересами политического истеблишмента обеих стран [Lee, Bradshaw, 1997, p. 461]. Позитивные ожидания в отношении перспектив российско-корейского взаимодействия, наблюдавшиеся в первые годы после установления двусторонних связей, сменились продолжительным периодом падения интереса друг к другу. До недавнего времени российское политическое руководство, традиционно ориентированное на Европу и СНГ, не предпринимало активных попыток к установлению более тесных контактов с Р. Корея. Среди восточно-азиатских стран приоритет в выстраивании отношений всегда принадлежал Китаю. В свою очередь, политическая ориентация Р. Кореи на США нередко становилась серьезным препятствием для развития российско-корейских экономических связей. Помимо того, обеим странам также приходилось принимать во внимание северокорейский фактор.

По мнению корейских специалистов, политическое маневрирование в вопросах внешней политики, обоюдное неумение сдерживать данные обещания и разница в подходах к северокорейской проблеме существенным образом охладил первоначальные устремления наших стран¹⁰. Только после того как администрация Ли Мен Бака начала систематически выстраивать диалог с Россией в рамках внешнеполитической стратегии по налаживанию отношений с четырьмя основными игроками региона (США, Китаем, Японией и Россией)¹¹, российско-корейские отношения приобрели статус стратегического партнерства¹². Однако на сегодняшний день данное

¹⁰ Данной точки зрения придерживаются многие корейские специалисты по России. Более подробно их взгляды изложены в следующих работах: [Shin, 2010; Future of Russia..., 2009].

¹¹ В Корею данное направление внешней политики получило название «четырёхвекторная политика» (‘4kangoekye’, 4-sided foreign diplomacy). Она составляла основу внешнеполитической стратегии Ли Мен Бака. Более подробно о принципах данной политики см.: [Lee makes first moves in foreign policy..., 2007; MB’s foreign policy..., 2008; Snyder, 2008].

¹² Соглашение о стратегическом партнерстве между Россией и Кореей было подписано в октябре 2008 г. президентами двух стран — Ли Мен Баком и Д. А. Медведевым.

партнерство не удалось наполнить емким содержанием, в том числе по причинам, указанным выше.

В результате проведенного в данном разделе статьи обзора можно заключить, что российско-корейское экономическое сотрудничество за прошедшие годы не реализовало заложенный в нем потенциал и пока еще не смогло преодолеть тот рубеж, когда оно развивается независимо от политического диалога. В ближайшие годы наряду с проблемами сохраняющейся асимметрии торговых и инвестиционных потоков, низкой диверсифицированности поставок, а также слабого участия малого и среднего бизнеса и доминирования крупных компаний странам предстоит искать пути снижения воздействия политической и усиления институциональной компоненты двустороннего сотрудничества. В связи с этим присоединение России к ВТО должно рассматриваться в качестве потенциально важного фактора роста взаимного сотрудничества. В следующей части настоящей статьи будут представлены результаты проведенного обзора, которые помогут пролить свет на некоторые аспекты данной проблемы.

4. Результаты опроса российских и корейских респондентов

Информация о том, как оценивается возможное влияние присоединения России к ВТО на развитие российско-корейского экономического сотрудничества представителями бизнеса и экспертного сообществ обеих стран, была получена в результате проведенного авторами исследования, основывающегося на анкетировании и интервьюировании российских и корейских респондентов. Опрос проводился в период с ноября 2012 по март 2013 г. в двух мегаполисах России (Москве и Санкт-Петербурге) и двух городах Р.Кореи — Сеуле и Инчхоне. Целевая аудитория включала представителей различных социальных групп двух стран — научного сообщества, бизнеса, средств массовой информации, госслужащих, что позволило получить более объективную и всестороннюю оценку происходящих международных процессов и перспектив развития российско-корейских экономических связей.

В общей сложности с каждой стороны было опрошено около пятидесяти человек. Это достаточно высокий процент от общего числа экспертов в сфере международной торговли и российско-корейских отношений, которые могли бы дать квалифицированный ответ на интересовавшие авторов исследования вопросы (в каждой из стран число таких экспертов составляет около 100 человек). Значительная доля респондентов и в России, и в Р.Корея — люди, вовлеченные в реализацию двусторонних отношений на разном уровне (государства, бизнеса и академических учреждений). Задававшиеся вопросы адаптировались для российских и корейских респондентов. В число респондентов входят чрезвычайный и полномочный посол РФ в Р.Корея, Генеральный консул Р.Корея в Санкт-Петербурге.

Репрезентативность полученных ответов основывается на опросе представителей разных возрастных категорий (от 20 до 70 лет). Среди российских респондентов преобладали люди молодого возраста — недавние выпускники высших учебных заведений; в составе целевой аудитории особенно выделяется категория «госслужащие» (работники федеральных министерств, городских администраций). Опрос, проводившийся в Р.Корея, был в большей степени ориентирован на академическую

элиту страны, кроме того, относительно состава респондентов очевидно большее количество лиц зрелых возрастов (табл. 1).

Таблица 1. Социальная структура респондентов России и Кореи

Вид деятельности					
Бизнес	Наука	Образование	Госслужба	СМИ	Всего
<i>Российские респонденты</i>					
14,3%	28,5%	–	50%	7,2%	100%
<i>Корейские респонденты</i>					
20%	46,7%	16,7%	10%	6,7%	100%
<i>Возраст</i>					
20–30 лет	30–40 лет	40–50 лет	50–60 лет	60–70 лет	
<i>Российские респонденты</i>					
50%	7,2%	21,4%	28,4%	7,2%	100%
<i>Корейские респонденты</i>					
3,3%	20%	43,3%	33,4%	–	100%

Примечание: данные рассчитаны по результатам опроса и анкетирования респондентов.

Первый блок вопросов, задававшихся респондентам, касался общего состояния российско-корейских отношений, места стран во внешнеполитической стратегии, взаимного восприятия населением Р.Корея и России противоположной стороны, а также влияния внешнеполитических реалий на развитие двустороннего экономического диалога. Современное состояние российско-корейских отношений большинством респондентов расценивается как удовлетворительное, причем россияне оказались более оптимистичными в своей оценке (только 57% респондентов считают их таковыми в сравнении с 74% в Р.Корея). Меньшая часть респондентов оценивает их как хорошие (36 и 13% соответственно) (рис. 3). Россия расценивается корейцами как дружественная страна (в сравнении с США, Японией и Китаем). Позитивное восприятие России особенно характерно для молодого поколения корейцев, желающего больше знать о своем соседе. Предпосылкой для сближения стран является стремление Р.Корея к диверсификации своих внешнеполитических и экономических связей, установлению отношений с новыми перспективными партнерами. То, что между странами не существует взаимных претензий и территориальных споров, также является положительным фактором для укрепления двустороннего диалога.

Р.Корея и Россия в последние годы существенно продвинулись вперед в выстраивании конструктивных межгосударственных связей. В 2008 г. отношения стран были выведены на уровень стратегического партнерства. Перед странами открывается все больше возможностей для взаимодействия в различных форматах на международной арене, в частности в рамках «Большой двадцатки». Начиная с 2008 г. двусторонние встречи на уровне президентов стали проводиться регулярно.

Между тем в ходе проведения опроса корейской стороной высказывалось мнение, что отношения двух стран в политической сфере развиваются более последо-

вательно и успешно в сравнении с экономическими связями. Выстраиваемая сторонами политическая конструкция пока в незначительной мере подкрепляется экономической составляющей. Ощущается недостаток координации и согласованности внешнеполитического курса и взаимной деловой активности стран. В интервью на этот счет высказывались следующие мнения: «В отношениях России и Р.Корея крутится только одно колесо (политическое), второе колесо не работает, мы ходим по кругу», «Экономические и политические отношения стран развиваются отдельно друг от друга», «Потенциал двух стран не используется в полной мере».

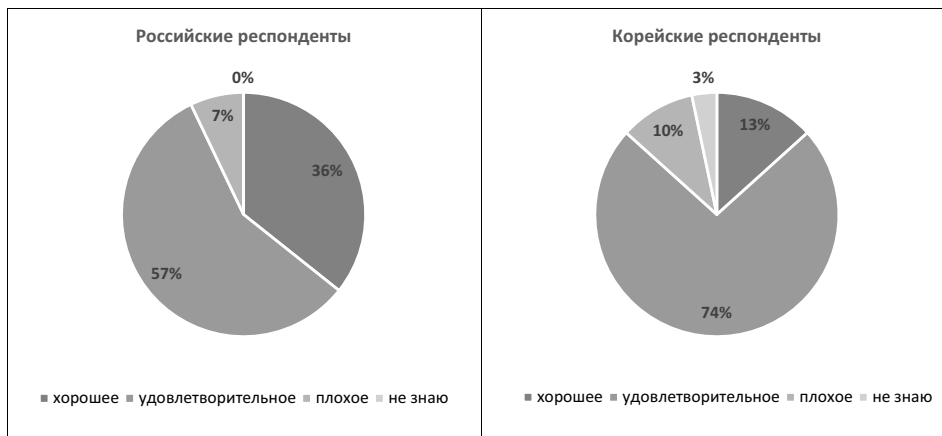

Рис. 3. Оценка текущего состояния российско-корейских отношений российскими и корейскими респондентами.

Примечание: данные рассчитаны по результатам опроса и анкетирования респондентов.

Респондентам был задан вопрос о том, являются ли взаимные отношения приоритетными для двух стран. Большинство корейских респондентов склонилось в пользу утвердительного ответа (60%), сделав уточнение, что с точки зрения общей иерархии внешних приоритетов Россия, хотя и входит наряду с США, Китаем и Японией в число четырех наиболее значимых для Р.Корея стран, занимает в этой группе последнюю позицию. 40% корейских респондентов дали отрицательный ответ. Мнение россиян по данному вопросу разделилось поровну между ответами «да» и «нет» (по 42,9%).

Корейские респонденты следующим образом обосновывают место России во внешней политике Р.Корея. Они выделяют четыре этапа в развитии российско-корейских отношений после установления дипломатических отношений в 1991 г. Первый период (до середины 1990-х годов) был связан с большими надеждами и ожиданиями от развития двусторонних связей. За ним последовал этап охлаждения отношений и разочарования. Первая половина 2000-х годов совпадает с этапом поиска взаимных интересов, который завершился выведением двусторонних отношений на уровень стратегического партнерства в 2008 г.

В целом потребность в укреплении российско-корейских отношений обусловлена общей ситуацией в АТР. Корея объективно заинтересована в сдерживании чрезмерного роста влияния на Корейском полуострове КНР. При этом с ней Р.Корея связывают очень тесные экономические связи: Китай является главным торговым

партнером Р. Корея и крупнейшим реципиентом ее прямых инвестиций. Вместе с тем интенсивное экономическое взаимодействие делает Корею чрезмерно зависимой от своего соседа и побуждает ее диверсифицировать внешние связи, в том числе в направлении России и стран СНГ. В отличие от Японии и Китая, которых устраивает ориентация России преимущественно на Европу, Р.Корея объективно заинтересована в усилении позиций России в Северо-Восточной Азии, поскольку это позволяет ей поддерживать баланс сил в данном регионе.

На Россию возлагаются особые надежды в вопросе урегулирования межкорейского конфликта. Как считают корейские респонденты, наша страна в силу традиций, заложенных в советский период, имеет большое влияние на КНДР. В этих условиях более активное участие России в переговорах по ядерной проблеме КНДР могло бы снизить напряженность на полуострове и одновременно ограничить роль Китая в этом процессе. Улучшению отношений между Севером и Югом способствовала бы реализация на Корейском полуострове таких проектов с участием России, как транскорейская железнодорожная магистраль и транскорейский газопровод, в чем экономически заинтересованы все страны-участницы. Вместе с тем сама по себе реализация этих проектов не должна рассматриваться как средство для урегулирования конфликта.

В рамках БРИКС Россия большинством корейских респондентов (60%) ставится на второе после Китая место по важности и перспективности отношений. Значимость России обуславливается рядом геополитических и экономических выгод, таких как богатый природно-ресурсный потенциал, географическая близость, наличие научно-технического потенциала и емкого внутреннего рынка. Некоторые респонденты указали, что через пять лет Россия будет более важна для Р.Корея, чем КНР. Показательно, что почти 17% опрошенных считают отношения с Россией более значимыми в сравнении с прочими странами БРИКС. Корейцам Россия ближе, чем Индия, не только географически, но и психологически, поэтому Индия в числе приоритетов Р.Корея ставится большинством респондентов только на третье место. Бразилии отводится четвертое место в силу ее географической удаленности. Однако отмечается, что товарооборот с Бразилией и объем корейских прямых инвестиций в этой стране быстро возрастают. Бразилия важна для Р.Корея для обеспечения корейским компаниям выхода на рынок США.

Россияне и корейцы дают разную оценку *роли политических элит двух стран в развитии двусторонних отношений*. Корейские респонденты считают, что эти элиты играют решающую роль в налаживании межгосударственных связей (76% опрошенных оценивают ее как очень высокую или высокую против 50% россиян). Половина российских респондентов полагают, что двусторонние отношения между странами не только формируются по воли высшего руководства стран, сколько определяются рядом других параметров — географической удаленностью центров экономической активности России и Р.Корея, заинтересованностью деловых кругов в развитии экономических связей, кросс-культурной совместимостью стран и прочими факторами (рис. 4).

Корейские респонденты считают роль политической элиты исключительной по своей значимости. Многие отмечали, что политическая элита их страны (МИД и другие ключевые министерства) в основном ориентирована на США, существенная часть нынешних политиков Р.Корея училась в американских вузах, лучше понимают эту

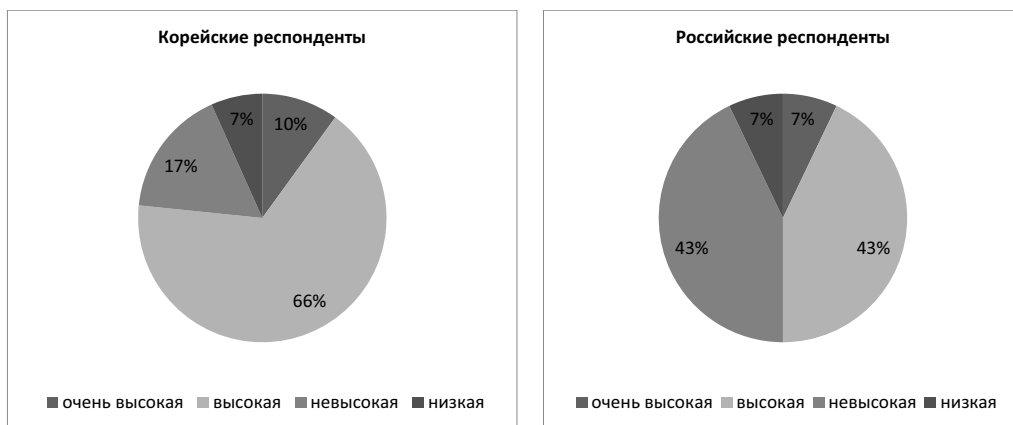

Рис. 4. Оценка роли политических элит стран в развитии российско-корейских отношений.
Примечание: данные рассчитаны по результатам опроса и анкетирования респондентов.

страну на ментальном уровне. В последнее время большую значимость приобрели связи Кореи с Китаем. России в иерархии приоритетов элиты пока отводится второстепенное место, хотя в последнее время российскому направлению во внешней политике страны все же стало уделяться больше внимания по сравнению с предыдущим десятилетием. В корейских властных структурах слабо представлены специалисты, ориентированные на развитие связей с Россией. В большей степени в расширении двусторонних связей заинтересованы деловые круги. В России наблюдается схожая ситуация. Российская элита традиционно ориентирована на Европу, восточный вектор ее международных связей приобрел актуальность относительно недавно.

В ходе опроса респондентам предлагалось указать причины, которые, на их взгляд, *сдерживают развитие российско-корейских отношений*. И российские, и корейские респонденты отметили практически одни и те же факторы, которые негативно влияют на взаимные отношения, однако их значимость имеет различный вес. Обе стороны в качестве главных препятствий называют недостаток информированности бизнеса и общественности двух стран друг о друге, зависимость позиции Сеула по вопросам внешней политики от Вашингтона, неблагоприятное состояние межкорейских отношений. К числу сдерживающих факторов относятся также языковой барьер, трудности межкультурной коммуникации, неблагоприятные условия для предпринимательства и распространение коррупции в России, географическая удаленность между основными центрами деловой активности. Указывались и наследие периода холодной войны, различия в политическом устройстве стран, преобладание формализма в двусторонних отношениях. Развитие двусторонних экономических связей сдерживается низким уровнем отраслевой диверсификации российской экономики (рис. 5).

Второй блок вопросов, задававшихся респондентам, касался характеристики экономических связей двух стран, оценке делового климата в России. Выявлялась мотивация корейских компаний при выходе на российский рынок, проблемы, с которыми они сталкиваются, а также наиболее перспективные направления и сферы для взаимного сотрудничества.

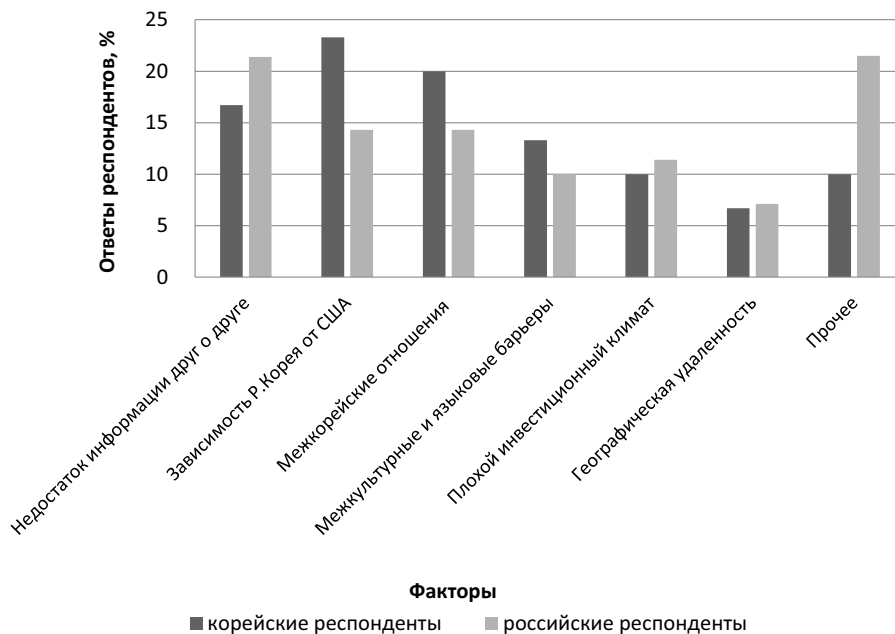

Рис. 5. Факторы, сдерживающие развитие российско-корейских отношений.
Примечание: данные рассчитаны по результатам опроса и анкетирования респондентов.

Мнения российских и корейских респондентов по вопросу *состояния российско-корейского экономического сотрудничества* разделились. Так, большинство россиян оценивают нынешний уровень экономических отношений стран как «хороший» (57,1% ответов), в то время как корейская сторона дает более низкую оценку уровню взаимодействия, называя его «удовлетворительным» (63,3%). Обе стороны отмечают, что наблюдается расширение связей, хотя они развиваются несбалансированно. Наиболее динамично растет двусторонняя торговля. Осуществление инвестиционных проектов в России происходит с большими трудностями, в свою очередь, российский капитал практически не представлен в экономике Р.Корея. Обе стороны признают, что имеющийся потенциал экономического сотрудничества пока еще реализован далеко не полностью (табл. 2).

Таблица 2. Оценка респондентами ведущих сфер экономического сотрудничества стран, %

Сферы	Респонденты	Корейские	Российские
Торговля товарами		86,7	78,6
Инвестиции		3,3	14,3
Сотрудничество в сфере энергетики		6,7	0
Сотрудничество в сфере транспорта		3,3	0
Прочее		0	7,1
Всего		100	100

Примечание: данные рассчитаны по результатам опроса и анкетирования респондентов.

Заинтересованность компаний Южной Кореи в развитии взаимодействия с Россией обусловлена в первую очередь емким внутренним рынком, наличием минеральных и земельных ресурсов, научно-техническим потенциалом. Корейские эксперты убеждены, что расширение экономических отношений будет способствовать укреплению политического диалога (табл. 3).

Таблица 3. Факторы привлекательности России для корейского бизнеса, %

Факторы	Респонденты	
	Корейские	Российские
Размер российского рынка	34,1	38,7
Наличие природных ресурсов	29,2	29,0
Технологический и научный потенциал	19,5	19,4
Наличие квалифицированной рабочей силы	4,9	6,5
Стоимость рабочей силы	0	3,2
Прочее	12,3	3,2
Всего	100	100

Примечание: данные рассчитаны по результатам опроса и анкетирования респондентов.

Факторы, сдерживающие развитие экономических связей стран, практически идентичны тем, которые тормозят межгосударственное взаимодействие Р.Корея и России в целом, отличаясь, если судить по ответам россиян, большей значимостью информационного вакуума и проблем межкультурной коммуникации. Корейские респонденты в качестве главных факторов также выделяют сложные межкорейские отношения и бюрократические препоны на российском рынке.

В ходе обследования был задан вопрос о том, в каких отраслях экономики сотрудничество могло бы принести наибольшую выгоду корейским компаниям. Предлагалось произвести оценку по семибалльной шкале, на которой «7» означает «очень выгодно» и «1» — «совсем невыгодно». Полученные результаты представлены на рис. 6. Корейские респонденты считают наиболее выгодным реализацию проектов в сфере энергетики (7), в том числе строительство нефте- и газопровода. За этим идет автомобилестроение (6), что полностью совпадает с отраслевым ранжированием, предложенным российскими респондентами.

Перспективным направлением для корейского бизнеса является сотрудничество с Россией в сфере науки и техники (5). Р.Корея находится на стадии формирования национальной базы НИОКР, в высшей степени заинтересована в укреплении своего инновационного потенциала на основе взаимодействия с Россией. В свою очередь, наша страна занимает передовые рубежи в научно-технологической сфере, но не имеет возможности для коммерческого освоения многих разработок.

Интересно, что следующее место в числе приоритетов после электронной промышленности (4) отводится сельскому хозяйству (3). Корея испытывает дефицит земельных ресурсов, тогда как Россия отдает сельскохозяйственные угодья на Дальнем Востоке в аренду. Корейские компании также проявляют интерес к российскому строительному рынку (2), судостроению (2). Помимо предложенных вариантов ответа корейские респонденты указали, что большие перспективы для развертывания

своей деятельности в России имеют предприятия химической, нефтеперерабатывающей и деревоперерабатывающей отраслей промышленности, а также компании, работающие в сфере услуг (розничная торговля, гостиничный бизнес, коммунальные услуги). Многообещающим является сотрудничество в космической отрасли и производстве автокомпонентов, причем последнее направление, по мнению корейцев, предполагает осуществление ПИИ российскими компаниями в Р.Корея.

Многие компании Южной Кореи в сбыте своей продукции ориентированы не только на российский рынок, но и на страны СНГ и Восточной Европы. В связи с этим некоторые корейские респонденты предлагали следующее видение места России в выстраивании производственной цепочки корейского бизнеса: 1) осуществление функций НИОКР и дизайна продукции в Р.Корея; 2) организация центра производства и дистрибуции в России; 3) дальнейший сбыт продукции на европейском рынке и в странах СНГ.

Российские респонденты были единодушны в том, что наибольшего успеха на их рынке могут добиться корейские предприятия электронной промышленности (7), автомобилестроительные и судостроительные фирмы (6), далее следовала совместная деятельность в сфере науки и прикладных исследований (5), затем — энергетика (4), сельское хозяйство, строительство и пищевая промышленность. Дополнительно отмечается сфера информационных технологий, в том числе внедрение программных систем.

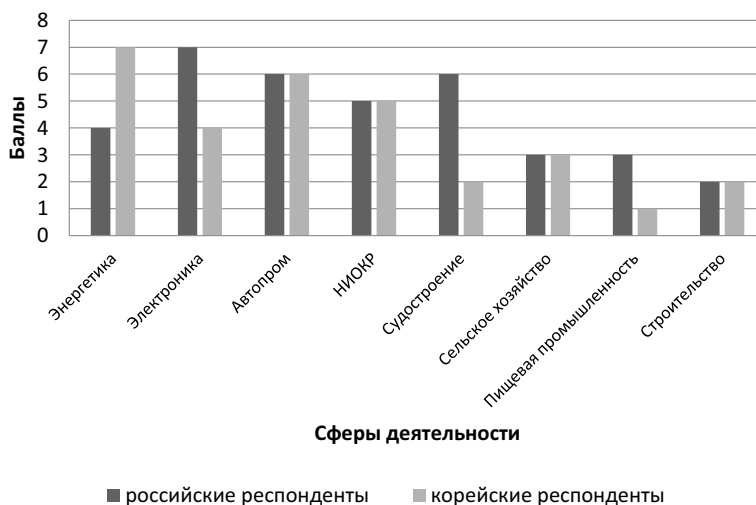

Рис. 6. Перспективы двустороннего экономического сотрудничества с точки зрения корейского бизнеса по секторам экономики.

Примечание: данные рассчитаны по результатам опроса и анкетирования респондентов.

Оценка делового климата в России. В ходе опроса неоднократно подчеркивалось, что бизнес-климат в России существенно уступает условиям предпринимательства в других странах БРИКС, в частности в соседнем с Кореей Китае, а также в Бразилии. Половина корейских респондентов оценивает предпринимательский климат в нашей стране как некомфортный, свыше 40% отвечавших считают его удовлетво-

рительным, в то время как 6,7% — очень плохим. Условия для предпринимательства существенно различаются по регионам страны: они достаточно благоприятны в Москве, Санкт-Петербурге, Московской и Ленинградской областях, но некомфортны на Дальнем Востоке (речь идет о более высоком уровне коррупции, относительном дефиците рабочей силы, более высокой стоимости трудовых ресурсов и электроэнергии). Последнее обстоятельство вызывает особое сожаление у корейцев, поскольку данный регион географически наиболее близок Р.Корея и имеет большие возможности для хозяйственного освоения. Респонденты отмечали, что на российском Дальнем Востоке было бы целесообразно создать специальные экономические зоны, в том числе преимущественно ориентированные на корейский бизнес, в целях привлечения инвесторов из Р.Корея. Важно подчеркнуть, что существующие в России условия для предпринимательства являются серьезным препятствием для выхода на российский рынок корейских предприятий среднего и малого бизнеса.

Какие компоненты делового климата в России вызывают наибольшие нарекания у корейских бизнесменов? Наибольшие нарекания (43,5% корейских респондентов и 25% российских) вызывают в России высокий уровень бюрократизации, в частности продолжительные процедуры по согласованию инвестиционных проектов, получения сертификатов и всякого рода разрешений (рис. 7). В Р.Корея хорошо известен опыт компании «Лотте», которой понадобилось около десяти лет для оформления прав на землю и получения разрешения на строительство гостиницы в центре Москвы. Многочисленные и сложные административные процедуры затрудняют осуществление инвестиций, тормозят процесс организации бизнеса. Отмечается неопределенность, непредсказуемость регулирования. Коррупция указывается в числе основных отрицательных факторов, сдерживающих экономическую активность иностранного бизнеса в России (19,6 и 19,5% опрошенных соответственно), однако она в значительной степени является порождением бюрократизации.

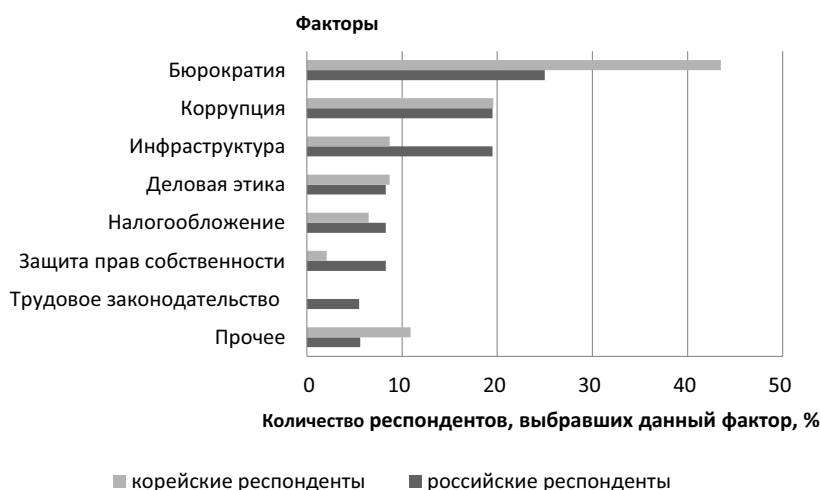

Рис. 7. Компоненты делового климата России, вызывающие наибольшие нарекания у корейских бизнесменов.

Примечание: данные рассчитаны по результатам опроса и анкетирования респондентов.

Неблагоприятной составляющей бизнес-климата в России является неразвитая инфраструктура — как физическая (дороги, порты, терминалы, складские комплексы, гостиничное хозяйство), так и рыночная (банки и др.). По мнению российских участников опроса, этот параметр, наряду с бюрократизацией, особенно сильно снижает инвестиционную привлекательность российского рынка. На это обстоятельство обратили внимание 19,5% российских и 8,7% корейских респондентов.

Респонденты объясняют недостаточно высокую инвестиционную активность корейских компаний в России разной предпринимательской этикой российского и корейского бизнеса (8,7 и 8,3% корейских и российских участников опроса соответственно). В частности, корейские респонденты отмечают необязательность российских партнеров с точки зрения выполнения условий контракта, различный темп ведения бизнеса и принятия решений в двух странах. В числе прочих факторов называются проблемы личной безопасности иностранцев в России, неразвитое антимонопольное регулирование, сложность получения банковского кредита, что особенно актуально для малого и среднего бизнеса, а также трудности с поиском надежного делового партнера.

Третий блок вопросов был направлен на выявление эффекта влияния формирования Таможенного союза в составе России, Беларуси и Казахстана, а также присоединения России к ВТО на перспективы экономического взаимодействия между нашими странами (табл. 4). Кроме того, корейским участникам опроса был задан вопрос о том, какое из направлений торговой либерализации является для Р.Корея более предпочтительным — на многостороннем уровне или региональном? Последний вопрос был связан с оценкой корейскими и российскими респондентами возможности формирования совместной зоны свободной торговли между Россией и Южной Кореей.

Последствия присоединения нашей страны к ВТО в контексте рассматриваемой проблемы видятся по-разному. Мнение корейских участников опроса распределилось примерно поровну между вариантами ответа «является положительным, поскольку будет способствовать дальнейшему углублению двустороннего сотрудничества» (43,6%) и «является положительным, однако не окажет заметного воздействия на уровень двусторонних связей» (46,7%). Большинство российских респондентов оказались менее оптимистичными в своих прогнозах: свыше 70% опрошенных считают, что функционирование России в качестве полноправного члена ВТО не окажет заметного влияния на развитие экономических связей между двумя странами.

Те респонденты, которые утвердительно ответили на данный вопрос, приводят следующие аргументы. Присоединение России к ВТО имеет большое положительное значение для корейского бизнеса, поскольку будет способствовать расширению двусторонних экономических связей, как это в свое время произошло после присоединения Китая к ВТО в конце 2001 г. Условия деятельности на российском рынке должны стать более предсказуемыми. Россия будет играть по «общим правилам» наравне с другими странами — членами ВТО, применять международные правила торговли, повысится прозрачность рынка. Присоединение РФ к ВТО очень важно для самой организации, поскольку Россия является приверженцем либерализации на многостороннем уровне. Ее участие в Дохийском раунде переговоров поможет сдвинуть его с мертвой точки. Ожидается, что Россия предложит новые подходы и решения, которые будут способствовать достижению компромисса на перегово-

рах между разными группами стран. Также высказывалось мнение, что присоединение нашей страны к ВТО изменит баланс интересов в организации, приведет к повышению в ней роли быстроразвивающихся экономик и некоторому ослаблению влияния ЕС и США. Эта часть респондентов считает вполне оправданным большой интерес, проявленный со стороны корейского бизнеса и корейского правительства к факту вступления России в ВТО.

Тем не менее почти половина корейских респондентов, в целом положительно оценивая присоединение России, полагает, что это не окажет существенного влияния на уровень экономического взаимодействия наших стран. Соответственно, эта часть опрошенных (как в РФ, так и в Р.Корея) считает интерес, проявленный корейским бизнесом и правительством к факту присоединения России к ВТО, и связанные с этим ожидания либо неоправданно завышенными, либо оправданно низкими (около 36% респондентов). В ходе опроса высказывалось суждение о том, что членство в организации является преждевременным по причине низкого уровня конкурентоспособности российских гражданских отраслей промышленности. России для усиления ее промышленного комплекса было бы более целесообразно проводить протекционистскую политику, а не либерализацию рынка, что привело бы к большим потерям для экономики.

Таблица 4. Оценка воздействия присоединения России к ВТО на российско-корейские экономические связи, %

Ответы, полученные в результате опроса	Корейские респонденты	Российские респонденты
Является положительным, поскольку будет способствовать дальнейшему углублению двустороннего сотрудничества	43,6	0
Является положительным, однако не окажет заметного воздействия на уровень двусторонних связей	46,7	71,4
Имеет небольшое значение, поскольку приоритетом для Р.Корея является развитие отношений с Китаем и другими странами	3,3	14,1
Может вызвать спад в двусторонних связях из-за негативного воздействия присоединения к ВТО на российскую экономику	3,3	0
Затруднились ответить	3,4	7,4
Прочее	0	7,1
Всего	100	100

Примечание: данные рассчитаны по результатам опроса и анкетирования респондентов.

На вопрос: «Интересовались ли корейские компании условиями присоединения России к ВТО?», корейские участники опроса ответили, что крупные компании, такие как *Samsung* и *Hyundai*, внимательно изучали этот вопрос. В Корею был подготовлен ряд материалов об обязательствах России в рамках ВТО о возможных перспективах для корейского бизнеса. В частности, соответствующие доклады были опубликованы корейским Институтом внешнеэкономической политики, Эксимбанком, КОТРА.

Задавался также вопрос: «Присоединение России к ВТО в большей степени будет способствовать расширению торговли с Россией или росту ПИИ в российскую экономику?» Респонденты отмечали взаимодополняемость этих форм экономического

взаимодействия, говорили, что следует ожидать роста как взаимной торговли, так и инвестиционных потоков. Большинство респондентов (66,7%) полагают, что выполнение Россией обязательств по либерализации рынка будет способствовать расширению взаимной торговли, главным образом, экспортных поставок из Р.Корея в Россию. Компании в сфере деревообработки ожидают роста экспорта в Россию на 10% в ближайшие годы. В связи с этим высказывались опасения о возникновении дисбаланса во взаимной торговле двух стран. Наибольшую выгоду от либерализации российского рынка в рамках ВТО получают компании корейского автопрома, электроники, судостроения, производители автокомплекующих и предприятия химического кластера. Так, в соответствии с имеющимся прогнозом, экспорт корейских автомобилей в Россию в результате снижения импортных пошлин вырастет в два раза. Треть респондентов считает, что выполнение Россией обязательств в рамках ВТО вызовет рост корейских прямых инвестиций в российскую экономику. Увеличение прямых инвестиций ожидается в экономику российского Дальнего Востока, главным образом в сферу добычи топливных ресурсов и строительства энергетической инфраструктуры.

В ходе опроса респондентам был задан вопрос о том, по каким аспектам переговоров Дохийского раунда, по их мнению, могли бы взаимодействовать Россия и Р.Корея. Результат опроса показал, что у стран имеются широкие возможности для взаимодействия в ВТО: это вопросы, связанные с проведением антидемпинговых расследований, проблемы развития, обеспечения доступа на рынки развивающихся стран. Россия и Р.Корея по многим аспектам выступают на стороне менее развитых стран, они сами крайне чувствительны в вопросах либерализации сектора услуг и сельского хозяйства, а также имеют схожую позицию по вопросу субсидирования производства (рис. 8).

Рис. 8. Сферы возможного взаимодействия России и Р.Корея в ходе переговоров Доха раунда.
Примечание: данные рассчитаны по результатам опроса и анкетирования респондентов.

Респондентам предлагалось согласиться или не согласиться с утверждением: «Присоединение России к ВТО делает более привлекательным для Р.Корея сотруд-

ничество с Таможенным союзом России, Белоруссии и Казахстана». Корейские респонденты в целом положительно оценивают формирование Таможенного союза РБК. Они считают, что это повышает привлекательность рынка для ПИИ, снижает издержки по ведению бизнеса за счет устранения администрирования экспортных и импортных операций между странами ТС, облегчает процесс выстраивания логистических цепочек и цепочек создания стоимости на общем пространстве. С учетом формирования ТС РБК крупные корейские фирмы уже начали реализацию проектов с прицелом на его рынок. Компании производственного профиля, осуществляющие деятельность на территории России и регулярно импортирующие промежуточную продукцию, отмечают снижение издержек в результате устранения административных процедур на внутренних границах ТС, сокращение по этой причине сроков поставок. Тот факт, что Россия стала членом ВТО и взяла на себя обязательства по либерализации рынка, обуславливает дополнительный интерес со стороны корейского бизнеса к осуществлению деятельности в рамках РБК.

Отношение Р.Корея к вопросу либерализации торговли и инвестиций на глобальном и региональном уровнях. Будучи крупной торговой державой, Р.Корея традиционно выступала приверженцем либерализации исключительно на многосторонней основе в рамках ГАТТ/ВТО. В последнее десятилетие позиция страны по этому вопросу изменилась, больше внимания стало уделяться заключению региональных соглашений о свободной торговле. На сегодняшний день для Р.Корея оба формата либерализации являются взаимодополняющими, хотя некоторые эксперты высказывают мнение, что приоритет все же отдается региональному уровню отношений.

При этом особую значимость для Р.Корея имеют региональные соглашения с соседними государствами. Ведутся переговоры о создании зоны свободной торговли (ЗСТ) между ней, Японией и КНР. Южная Корея также не исключает возможности формирования зоны свободной торговли с ТС России, Беларуси и Казахстана — уже начаты переговоры о создании рабочей группы по данному вопросу. С 2014 г. наши страны перешли на безвизовый режим, что означает более высокий уровень доверия между ними. В целом корейские респонденты вполне оптимистично расценивают вероятность формирования общего с Россией (ТС РБК) торгового пространства. Единственным ограничителем здесь выступают относительно небольшие объемы взаимных связей. В отличие от корейских респондентов, российские участники опроса считают, что заключение соглашения о ЗСТ между Р.Корея и Россией (ТС РБК) возможно лишь в отдаленной перспективе.

5. Заключение

Основываясь на позитивном настрое большинства наших респондентов относительно присоединения России к ВТО и отсутствию серьезных объективных причин для сокращения уровня двустороннего взаимодействия, можно дать умеренно оптимистичный прогноз относительно перспектив развития торгово-экономических связей между Россией и Р.Корея. Этот оптимизм подтверждается также данными российской статистики: в период с января по декабрь 2013 г. российско-корейская торговля продемонстрировала незначительный рост по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года (1,5%), в то время как общероссийский объем внешней торговли за тот же период увеличился всего на 0,3% [<http://www.fedstat.ru>].

Литература

- Ahn S. H.* Russian-South Korean Security Relations Reconsidered: The Lost two decades of Promise and Perils // *The Korean Social Science Journal*. 2012. Vol. 39, N 2. P. 27–53.
- Antras P., Caballero R. J.* Trade and Capital Flows: a Financial Friction Perspective // NBER Working Paper. 2007. November. N 13241 [Electronic resource]. URL: <http://www.nber.org/papers/w13241.pdf> (accessed: 13 February 2013).
- Baldwin R.* 21st Century Regionalism: Filling the Gap between 21st century Trade and 20th Century Trade Rules / Geneva Graduate Institute // Working Paper. 2010. N 2010–31. URL: http://www.wto.org/english/res_e/reser_e/ersd201108_e.pdf (accessed: 16 June 2013).
- Beltrán G., Hass J.* Illusions of Market Paradise: State, Business, and Economic Reform in Post-Socialist Russia and Post-1980s Crisis Argentina // *Laboratorium*. 2010. Vol. 2, N 3. P. 123–154.
- Boeva I., Dolgopiatova T., Shironin V.* Strategii vyzhivaniia gosudarstvennykh i privatizirovannykh predpriatii promyshlennosti v perekhodnoi period. Moscow: Vysshaia Shkola Ekonomiki, 1991. 115 c.
- Dolgopiatova T.* Rossiiskie Predpriatii v Perekhodnoi Ekonomike: Ekonomicheskie Problem i Povedenie. Moscow: Delo Ltd., 1995. 288 c.
- Dolgopiatova T.* Perekhodnaia Model' Povedeniia Rossiiskikh Promyshlennykh Predpriatii (Po Dannym Empiricheskikh Issledovaniu 1991–1995 gg.) // *Voprosy ekonomiki*. 1996. N 11. P. 119–130.
- Eyplanov A.* Volume of Credits Given to Russians in 2007 Will Amount to 7% of GDP // *All Credits of Russia*. 2006. 24 October [Electronic resource]. URL: <http://www.allcredits.ru/1/6663/> (accessed: 14 April 2013).
- Fedorovsky A.* Russian Policy and Interests on the Korean Peninsula // *Russia and Asia-Pacific Security* / ed. by G. Chufrin. Stockholm SIPRI. 1999. 19–21 February. P. 394–402.
- Future of Russia and the Korean Peninsula: Russia's Return to Great Power (Reosiaui Miraewa Hanbando Reosiaui Gangdaegugeuroui Jaebusang)* / eds J. N. Ko, G. H. Eom. Seoul: Hangukhaksul Jeongbo, 2009. 501 p.
- Hoekman B., Kostecki M.* The Political Economy of the World Trading System: The WTO and Beyond. 2 ed. Oxford Univ. Press, 2001. 768 p.
- Ipsen E.* Korean Firms Move into Europe // *The New York Times*. 1995. 20 July [Electronic resource]. URL: <http://www.nytimes.com/1995/07/20/business/worldbusiness/20iht-korean.html> (accessed: 14 January 2013).
- Lee* makes first moves in foreign policy... Next month visits US, China (Lee oegyohaengbosidongnaedal mi jungbangmun) // *MK Business News*. 2007. 4 September [Electronic resource]. URL: <http://news.mk.co.kr/newsRead.php?year=2007&no=469390> (accessed: 14.04.2013).
- Lee Ch., Bradshaw M.* South Korean Economic Relations with Russia // *Post-Soviet Geography and Economics*. 1997. Vol. 38, N 8. P. 461–477.
- Lee J. Y., Lee S. B., Kuznetsov A., Min J. Y.* Pattern of Russian OFDI and Strategy for Korea to attract FDI (Reosiaui Haeojikjeoptuja Paeteongwa Hangugui TujaYuchi Hwakttae Bangan) // *KIEP Working Paper*. 2012. N 12–19. 281 p.
- Lee J. Y., Lee S., Hwan Ch., Lee J. M.* Trends and Perspectives for the Management of Korean Companies in Russia (Hangukkieobui Dae-Reosia Hyeonji Gyeongyeong Hyeonhwanggw Gwaje) // *KIEP Working Paper*. 2008. N 8–15.
- Meyer P. F.* The Russian Far East's Economic Integration with Northeast Asia: Problems and Prospects // *Pacific Affairs*. 1999. Vol. 72 (2). P. 209–224.
- MB's foreign policy priorities US, Japan, China, Russia (4-Gang Sunbangeun Mi-Il-Jung-Reosiasun)* // *MK Business News*. 2008. 27 February [Electronic resource]. URL: <http://news.mk.co.kr/newsRead.php?year=2008&no=107721> (accessed: 14.04.2013).
- Oh S. K., Park B. S.* Attractiveness of Russian Economy (Jumokpanneun Reosiakeongje Jamjaeryeok) // *SERI. CEO Information*. 2005. N 504, 8 June [Electronic resource]. URL: http://www.gumchang.com/Board/board_download (accessed: 19.01.2013).
- Russia: Catching the Golden Market (Hwangeum Sijang Reosiareul Jjabara)*. SERI, 2007. 484 p.
- Simola H.* Russian import statistics in the mirror of world exports Bank of Finland // *BOFIT Institute for Economies in Transition*. BOFIT Online. N 2. 2012 [Electronic resource]. URL: <http://www.suomenpankki.fi/bofit/tutkimus/tutkimusjulkaisut/online/Documents/2012/bon0212.pdf> (accessed: 18 March 2013).
- Shin B. S.* Diplomatic Relations between Russia and Korea: Evaluation of results and Strategy for the Future (Jeongchi oegy Bunyau Han Reogwangye: Pyeongga mit Gwangye Ganghwa Bangan, Han Reosugyo 20-junyeon Ginyeom Hakssulhoeui, Je-23hoe Hanbando Pyeonghwa Poreom Jaryojip) // 20th

- Anniversary of Establishment of Diplomatic Relations between Russia-Korea, 29 September 2010. Seoul: Korea Peace Institute.
- Simon H.* Administrative Behavior. 4th ed. New York: Free Press, 1997. 384 p.
- Snyder S.* Inauguration of Lee Myung-bak: Grappling with Korea's Future Challenges // Brookings Institute, Opinion paper. February 2008 [Electronic resource]. URL: <http://www.brookings.edu/research/opinions/2008/02/south-korea-snyder> (accessed: 03.04. 2013).
- Tversky A., Kahneman D.* Judgments under Uncertainty: Heuristics and Biases // Science. 1974. N 185. P. 1124–1131.
- Tversky A., Kahneman D.* The Framing of Decisions and the Psychology of Choice // Science, 21. 1981. P. 453–458.
- Vernon R.* International Investment and International Trade in the Product Cycle // The Quarterly Journal of Economics. 1966. Vol 80, N 2. P. 190–207.
- Walter A., Sen G.* Analyzing the Global Political Economy Princeton. New Jersey: Princeton University Press, 2009. 296 p.
- Williamson O.* Markets and Hierarchies: Analysis and Antitrust Implications. New York: Free Press, 1975. 286 p.
- Williamson O.* The Economic Institutions of Capitalism. New York: Free Press, 1985. 468 p.
- WTO. World Trade Report 2008. Trade in a Globalizing World. Part II-C: The Causes of Trade. Geneva: World Trade Organization, 2008 [Electronic resource]. URL: http://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/anrep_e/world_trade_report08_e.pdf (accessed: 28.01.2013).
- WTO. World Trade Report 2011. The WTO and Preferential Trade Agreements: From Co-existence to coherence. Part II-E: The Multilateral Trading System and PTAs. Geneva: World Trade Organization, 2011 [Electronic resource]. URL: http://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/anrep_e/world_trade_report11_e.pdf (accessed: 28.01.2013).
- WTO. Press Releases, Press/688. 2013. April 10 [Electronic resource]. URL: <http://www.wto.org> (accessed: 27.04. 2013).
- Zimmerman W.* Slavophiles and Westernizers Redux: Contemporary Russian Elite Perspectives // Post-Soviet Affairs, 2005. Vol. 21, N 3. P. 183–209.
- Zimmerman W.* The Russian People and Foreign Policy: Russian Elite and Mass Perspectives, 1993–2000. Princeton: Princeton University Press, 2009. 248 p.
- Федеральная служба государственной статистики [web-site]. URL: <http://www.fedstat.ru> (accessed: 09. 02. 2013).
- Korea Export-Import Bank [web-site]. URL: <http://www.koreaexim.go.kr> (accessed: 22 .02. 2013).
- Korea International Trade Association [web-site]. URL: [http:// www.kita.net](http://www.kita.net) (accessed: 14.03. 2013).
- Korea Ministry of Trade, Industry and Energy [web-site]. URL: [http:// www.motie.go.kr](http://www.motie.go.kr) (accessed: 28.03.2013).

Статья поступила в редакцию 19 июня 2014 г.